

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

12 невест
миллионера

ЭКМО

Елена Ивановна Логунова

12 невест миллионера

Серия «Тяпа Иванова», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4579491

Логунова Е. И. 12 невест миллионера: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60485-2

Аннотация

Оставшись без работы, Таня разослала кучу резюме и очень обрадовалась письму из гламурного журнала. Чтобы занять заветную вакансию, ей всего-то надо написать статью о виртуальных брачных агентствах. Недолго думая, она разместила анкету на сайте знакомств и тут же получила весьма интригующее предложение – состоятельный жених приглашал ее на смотрины не куда-нибудь, а в Грецию! Так Татьяна оказалась на солнечном острове, где с удивлением обнаружила – она отнюдь не единственная кандидатка, притом все девушки похожи, как родные сестры! Их поселили в шикарном поместье – настоящем райском местечке, только почему-то... заперли. А потом «невесты» начали по одной исчезать...

Елена Логунова

12 невест миллионера

Я уснула в четыре, а она позвонила без четверти шесть.

– Здравствуйте, Татьяна Ивановна! Извините, что звоню вам так поздно...

– Рано, – поправила я, проглотив ругательства.

– Зря проглотила: с ругательствами было бы доходчивее, – пробурчал мой внутренний голос.

Вообще-то голосов этих у меня два, я называю их обладательниц Тяпа и Нюня. Первая – воплощение отваги и не всегда здорового авантюризма, а вторая – похвально добронравная тихоня и рохля. Они мне заменяют воображаемых друзей – примерно как Карлсон у Малыша.

Не подумайте, я не сумасшедшая! Просто в детстве родители и бабушки с дедушками так активно меня опекали, что у меня не было никакой возможности проявить себя особой самостоятельной и дерзкой. Вот тогда я придумала себе Тяпу. А Нюнечка... Нюнечка была идеалом моих заботливых родственников и осталась во мне с тех самых детских лет.

На сей раз Тяпа была права: без ругательств телефонная собеседница не поняла ни моих слов, ни моего настроения. Вибрирующим голосом, с нарастающей нервозностью, она продолжила:

– Случилось ЧП! Пропал мой товарищ, московский жур-

налист!

– Простите, уважаемая! – перебила я, все еще сдерживаясь. – А я-то тут при чем?!

– Так ведь в справочнике для участников конференции написано, что вы отвечаете за работу со СМИ!

– Но не в таком же широком диапазоне!

Мы с Тяпой возмущенно фыркнули. Нюнечка страдальчески вздохнула.

В мои обязанности действительно входила организация работы акул пера. Однако та конференция, ход которой освещала почти тысяча журналистов, торжественно закрылась вечером, и я уже была вправе перейти от узкопрофессионального трудового подвига к широкомасштабным нетрудовым.

– Сколько лет этому вашему, пропащему?

– Тридцать, а что? Да это неважно! Важно, что в два часа ночи он ушел из ночного клуба «Снежинка» и до сих пор не вернулся в отель!

Я глубоко вздохнула. Потом медленно, с шипением, выдохнула сквозь зубы и плюнула в собеседницу ядом:

– Значит, тридцатилетний мужик, находясь в командировке в Сочи, после общего банкета ушел в одиночное плавание, и это, по-вашему, повод бить тревогу?

– Так ведь у нас с ним в десять утра самолет! Вот я вам и сигнализирую!

– Девушка, милая! Зачем мне сигнализировать? Я же не

полиция! – проникновенно сказала я.

– В полиции со мной даже разговаривать не стали! Там бросили трубку! – слезливо пожаловалась милая, но несносная девушка.

Мое отражение в сумеречном зазеркалье покачнулось и мучительно зевнуло. В этот момент я, как никогда прежде, хорошо понимала нашу полицию. Телефонную трубку хотелось не просто бросить, а зашвырнуть с балкона восьмого этажа в пучину моря. И чтобы поглубже!

– Поэтому, пожалуйста, позвоните им вы! – попросила плаксивая приставала.

Я вздохнула, всколыхнув тяжким вздохом занавеску:

– Девушка, да вы представляете, что мне там скажут?

– Тогда позвоните в ФСБ!

– Девушка! Вы НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, что мне скажут в ФСБ!

– А к кому же тогда надо обратиться?! – Голос в трубке превратился в визг и ушел в ультразвук.

Я поморщилась, потерла ухо и посмотрела в потолок.

Он был белый, как снег. Это подарило мне подсказку:

– Девушка, а вы попросите Деда Мороза! Пусть он вручит вам вашего потерявшегося друга в качестве досрочного новогоднего подарка!

– Вы с ума сошли? – тяжелое подозрение увело голос в трубке в глубокие басы.

– Да нет, наоборот! – хмыкнула я.

В мозгу у меня просветлело.

Делегация от одной северной российской территории в качестве рекламной приманки для журналистов приволокла с собой на конференцию в Сочи Деда Мороза. Идея оказалась весьма неплохой – я отметила это с особым удовольствием, так как организаторы флешмоба предварительно спросили у меня совета. А я сказала, что будет классно, и вот, пожалуй-ста, – не ошиблась.

Подсмывая подол облегченного летнего «форменного» одеяния, белобородый Дед с посохом в руках полдня таскался по пляжу, позируя перед камерами, фотографируясь с народом и терпеливо мотая на седой ус детские и взрослые просьбы и пожелания.

Я, кстати, тоже не удержалась и с подачи безнравственной Тяпы попросила доброго Дедушку подарить мне разовую порцию счастья в личной жизни. Небольшую такую. Легкоусвояемую.

Хм...

Я извлекла заострившийся взор из туманных глубин мутного гостиничного зеркала и перевела его на кровать.

Относительно небольшая и легкоусвояемая порция счастья в личной жизни тихо сопела в подушку.

Я аккуратно выключила отчаянно взрыдывающий мобильник и сосредоточенно потрясла мускулистое плечо:

– Эй, как там тебя...

– М-м-м-му, – невнятно отозвалось «счастье».

– Му-Му так Му-Му, – сговорчиво согласилась я. – Слышь, Му-Му? Ты не помнишь название того ночного клуба, где мы с тобой познакомились? Это, часом, не «Снежинка» была?

– Угум, – эта интонация-модуляция определенно была положительной.

– А ты – журналист из Москвы, да?

– М-м-м-да-м-м...

Так.

Я секунду подумала и включила лампу. Сонное счастье протестующе застонало, но мне необходим был свет, чтобы найти записную книжку, а в ней – нужный телефон.

– Алле, девушка? – я позвонила на последний входящий номер. – Запишите телефончик. Плюс семь...

– А там... кто ответит? – плакса перестала реветь: обнадежилась.

– Да Дед Мороз, кто же еще! Объясните ему ситуацию, попросите к девяти утра вернуть вашего мужика в отель, и добрый Дедушка все устроит. Скажете – от моего имени, мол, просите!

Я не зря уже много лет курирую СМИ – непререкаемые командные нотки в голосе выработались.

– Хорошо, – растерянно пролепетала плакса, и ее голосок уступил место длинным гудкам.

Не теряя времени, я быстро настучала на кнопочках нужный номер из записной книжки и, дождавшись, когда в труб-

ке прорежется сонный голос пресс-секретаря делегации северорусской территории, четко и внятно сказала:

– Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты!

– Это кто?! – хрипло изумились в трубке.

– Это я, ваш добрый ангел!

– Это ты-то – ангел?! – хрипы в трубке окрепли: меня узнали.

– Ну, ангел, не ангел...

Я коротко оглянулась на разворошенную кровать и вернула голосу чудодейственные командные нотки.

– Ты не ори, ты сначала послушай! Я вам с Дедом Морозом шикарный пиар организую! Сейчас тебе позвонит одна московская журналистка, у нее к Дедушке будет деликатная просьба. Выслушай, не перебивая, и обещай, что непременно исполнишь! А с журналистки за это потребуй хвалебную публикацию в федеральном СМИ!

– Публикация – это здорово, но ведь мы чудес не делаем, – засомневался мой собеседник.

Я вздохнула:

– Это ВЫ чудес не делаете, а МЫ – запросто! И днем, и ночью... Короче, твое дело – поговорить с милой девушкой, а потом ложись спать, не тревожься, утро вечера мудренее.

Я выключила мобильник и обменялась понимающим взглядом со своим отражением в зеркале.

– Не слишком ли много ты работаешь? – сочувственно спросило оно меня голосом Нюни.

– Нормально, – мужественно ответила я. – Мы ж рождены, чтоб сказку сделать былью!

И вернулась в постель.

На часах было только шесть с минутами, и до девяти утра «переходящий подарок» от Деда Мороза по праву считался моим.

Звуки были душераздирающими.

Спросонья Афанасий подумал, что старушка соседка окончательно спятила и безжалостно терзает виолончель.

Воображение крупным планом нарисовало ему скрюченные артритом пальцы с желтыми ногтями, и в немелодичном завывании отчетливо прорезался скрежет. Потом к нему добавился мягкий стук, и тогда он вспомнил про кота, которого с вечера запер в ванной.

Кот рвался наружу, царапал дверь и орал, точно эстрадный певец Сергей Пенкин, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса как обладатель голоса с неповторимым по своей широте диапазоном.

Афанасий вспомнил, что Пенкин берет более четырех октав, но голодный кот «развернулся» куда шире. Имело смысл и его занести в Книгу рекордов Гиннеса. Или в какое-нибудь другое, очень отдаленное место, откуда шедеврально голосистый кот не смог бы вернуться домой. Хорошо бы в глухую лесную чащу!

Афанасий дико устал быть хозяином этого талантливоего

и невыносимого, как все звезды, животного.

Кот был угольно-черным, и назвали его, естественно, Пиаром.

Тощего брюнетистого зверя с глазами бессовестного пройдохи и шрамом через всю морду три дня тому назад притащила ему Эмма. Откуда взялось это сокровище, Афанасий еще не выяснил, но подозревал, что не одна секретарша, а все его креативные работнички в полном составе потрудились с проведением расширенного кастинга на помойках.

Сотрудники прекрасно знали о пугающей манере шефа погружаться в работу над сложным и важным проектом «алля подводная лодка», и все равно беспокоились, когда Афанасий полностью изымал себя из обращения на неделю-другую.

Девушки в бюро всякий раз волновались, что их нечеловечески талантливый босс, обуянный очередным трудовым порывом, не ест, не пьет, не бреется и не дышит свежим воздухом, в одиночестве запершись в четырех стенах своей холостяцкой квартиры. Сотрудники мужского пола опасались, что Афоня, наоборот, безудержно пьет и вовсе не ночует дома, попутно подстегивая свое воображение разного рода весьма эффективными, но отнюдь не безвредными допингами.

Поскольку телефонные звонки и подбрасываемые ему кастрюльки с борщиками запойный трудоголик Журавлев

игнорировал, заботливые подчиненные время от времени предпринимали более активные попытки прорвать его глухую оборону. Штурмовую группу обычно возглавляла его секретарша Эмма, а планы по спасению Афони генерировал весь дружный коллектив.

В идеях недостатка не было: в рекламном агентстве «Фигня Продакшн» работали только светлые головы. И наиболее светлой, бесспорно, была головушка самого Афанасия Гонсалеса Журавлева. Художник, дизайнер, компьютерный гений, создатель и директор знаменитого рекламного агентства – Афоня – успешно совмещал самые разные амплуа и был удивительно талантлив во всех своих проявлениях.

Вот только жениться ему почему-то никак не удавалось. Девушки через берлогу гения проходили «транзитом», и в период очередного творческого запоя он бывал трагически одинок.

– Шеф, вам нужно хоть о ком-нибудь заботиться, – недавно сказала Эмма, разгружая принесенные ею сумки.

В одной были продукты, в другой – Черный Пиар. Кот моментально слился в экстазе с сосисками, и Афоня понял, что теперь ему действительно будет о ком заботиться.

О самом себе!

Присутствие в доме этого кота всерьез грозило человеку смертью от голода, бессонницы и полного истощения нервной системы.

Если ребята думали, что кот Пиар самозабвенного тру-

женика Афоню развлечет и взбодрит, то они не ошиблись. Сильнее, чем этот кот, его бодрил бы разве что регулярный электрошок.

– Да иду уже, иду, заткнись ты! – с безнадежностью в голосе крикнул Афанасий, топя босиком по полу в поисках тапочек.

Под ногами что-то мерзко хрустнуло. С грохотом покати-лось под диван нечто стеклянное, цилиндрическое.

Кот (из ванной комнаты) издал низкий трубный звук, затем убедительно изобразил виртуозный гитарный «запил», на зубодробительной скорости проскочил четыре с половиной октавы и с ходу взял верхнее «си».

– Сумасшедший дом! – простонал Афоня, воздвигаясь во весь рост... как говорится, навстречу новому дню.

На рассвете он закончил работу, из-за которой в очередной раз подверг себя продолжительному затворничеству, и после этого – впервые за всю прошедшую неделю – безмятежно уснул. Голосистый кот не позволил ему выспаться всласть.

Афанасий вообразил себе красивый коврик из черного кошачьего меха и несколько секунд наслаждался этой мысленной картиной.

Кот снова подал голос, напоминая, что он живее всех живых.

Осмотрительно держась сбоку от двери, Афанасий выпустил из ванной взбешенного Пиара, уступил ему магистраль-

ную дорогу в кухню и по мере сил заторопился следом.

После чашки черного, как тот же пиар, крепкого кофе жить Афоне стало немного легче. Накормленный кот наконец-то милостиво заткнулся и ушел спать.

Афоня посмотрел в окно.

На давно немытое стекло игриво шлепались кленовые листья. Они были нежно-желтыми, как ладошки китайчат. Близилась осень, а с нею и новый рекламный сезон.

Афанасий ностальгически вздохнул.

Уединяясь дома для работы над каким-либо проектом, он уходил от всех прочих дел. Вдохновение накрывало его, как обострение хронической хвори: с лихорадкой, маниакальным блеском в глазах и горячечным бредом, как правило, выливающимся в гениальные проекты. Возвращение к реальности давалось Афоне тяжело, но его было не избежать. Администратор в душе Журавлева уже теснил художника.

– Слышь, Пи? А не съездить ли нам в офис? – позвал кота встревожившийся Афанасий.

Кот, хитрым кренделем свернувшийся на теплой еще подушке, даже не шевельнулся и дал тем самым понять, что ему абсолютно безразличны ближайшие планы хозяина. До ужина – имелся в виду кошачий ужин – Афоня мог быть совершенно свободен.

– А и съездим! – тускло, но – все-таки! – загорелся Афанасий Гонсалес.

Кот дернул кончиком хвоста, отмечая множественное

число.

– Ладно, я сам.

Шустрым Гонсалесом – как мышонка из мультфильма – Афоню прозвали за то, что он никогда не откладывал на завтра то, что можно было сделать еще вчера.

Тем временем обезглавленное рекламное агентство пребывало в состоянии затянувшегося ступора.

– По-моему, это тупо, – сказала копирайтер Даша Климова и забарабанила пальчиками по столу, приговаривая в такт ударам: – Тупо-тупо, тупо-тупо, туп, туп, туп!

– Это кто, по-твоему, туп? – высокомерно спросил креатор Викентий, нервно дернув породистым носом. – По-твоему, это я туп?! А рекламную кампанию безалкогольного газированного напитка «Одуванчик» кто продвинул, – не я?

Даша Климова лишь печально вздохнула.

Вот уже вторую неделю в списке героических подвигов рекламного агентства «Фигня Продакшн» не было ничего более яркого, чем продвижение безалкогольной газировки. Отсутствие неподражаемого Афанасия Гонсалеса подкосило всю творческую деятельность агентства.

Копирайтер, креатор, дизайнер и не удостоенная столь же красивого и загадочного наименования ее должности секретарша безрадостно разглядывали незатейливый пейзажный натюрморт из капустного кочана, окруженного баклажанами, томатами, морковками и картофелинами.

Превосходные крепкие овощи и корнеплоды при содействии специалистов агрофирмы «Копылов и др.» родила щедрая русская земля. А вот родить слоган для продвижения своей замечательной продукции Копылов и его «др.», кем бы они ни были, заказали команде прославленного Александра Журавлева.

«Прославленный» пребывал в затянувшемся отпуске. Команда надрывно тужилась, но ничего путного пока что не родила.

– А если сделать так, как в песне поется, – секретарша Эмма заерзала на стуле. – Морковь крепка, и... И не знаю... И репки наши быстры!

– Тупо, – повторила Даша.

– Почему – тупо? Что-то в этом есть, – опять заспорил с ней Викентий. – Афоня сказал бы, что «морковь крепка» – это эротично. А реклама должна быть секси!

Даша Климова в большом сомнении посмотрела на ближайший к ней баклажан.

Баклажан был синим, скрюченным и откровенно несексуальным. Даже в анатомически правильной комбинации с двумя небольшими круглыми томатами он смотрелся бы не слишком эротично, не говоря уж о соседстве с капустой, в бледно-зеленых ложах которой увидеть что-то сексуальное сумел бы только извращенец.

– Я сдаюсь, – мрачно сказала Даша.

– Нет, Данька, стоп!

В низком кресле заворочался дизайнер Оскар Пуммер, которого рекламные девушки в зависимости от настроения и ситуации звали то Пумой, то Пумбой.

– Меня, может, эта махровая ботва тоже ни граммочки не возбуждает, но я же сижу! Смотрю! Думаю!

– Всем привет! О, а что это у нас тут? Коллективный сеанс вегетарианства и сыродения? – не без ехидства спросил от дверей знакомый голос. – Неужто дела нашего агентства так плохи, что персонал переходит на подножный корм?

– Афоня! Ур-р-р-ра! Афоня вернулся! – после секундной паузы разногласо завопил персонал.

Четверть часа спустя Оскар Пуммер под диктовку перебивавших друг друга копирайтера и креатора вдохновенно рисовал черновую раскадровку рекламного ролика под девизом «Мне кризис не страшен – я ем овощи!». Секретарша Эмма с улыбкой от уха до уха а-ля Чеширский кот висела на телефоне, обзванивая клиентов и оповещая их, что «сам» наконец-то вернулся к жизни в искусстве.

«Сам» Афанасий Гонсалес Журавлев задумчиво гулял по своему кабинету вдоль протяженного стола для совещаний.

Туда – обратно, туда – обратно...

Челночное движение его успокаивало.

Против обыкновения, возвращение в лоно трудового коллектива не подарило Афанасию полномасштабной радости. Афоня хмурился.

Всей своей битой и штопанной шкурой он чувствовал уси-

ливающийся ветер перемен и еще не понял, чего он хочет в связи с надвигающимся штормом – отважно поднять парус или же вновь укрыться в своей тихой бухте наедине с шумным котом?

Если бы Афанасий выглянул в окно, он увидел бы, как по проспекту буревестником пролетел кортеж автомобилей, для пущего удобства следования которого многочисленные гаишники в парадной форме перекрыли движение на всех перпендикулярных и двух параллельных улицах.

Роковой звонок раздался в берлоге Афанасия Гонсалеса Журавлева поздно вечером.

Хозяин квартиры полулежа раскинулся на диване, с умеренным удовольствием вспоминая свой первый после долгого перерыва рабочий день и рассеянно глядя в телевизор, где показывали главную новость дня.

Главной новостью в родных широтах Афони был визит Очень Важного Лица с непростой биографией и головокружительными перспективами.

Вышло это Лицо из стройных армейских рядов, какое-то время кочевало по разного рода ключевым постам в регионе, а потом вдруг стремительно вознеслось в Москву и теперь буревестником кружило в столичном небе, острым взором хищной птицы присматриваясь к самой что ни на есть ответственной должности в стране. Ходили упорные слухи, что на следующих президентских выборах Лицо предпримет

попытку стать не просто Важным, но Первым, и диктор на экране как раз рассказывал, что успех этой акции будет зависеть от телезрителей, которых по такому случаю снова временно повысят в звании до избирателей.

– Ну да, ну да! – дурашливо покивал экрану Афанасий и потянулся к зазвонившему телефону.

– Господин Журавлев, Афанасий Андреевич?

Голос в трубке был теплым и крепким, как бицепс хорошо размявшегося боксера.

– Ну да! – по инерции брякнул Афоня и, почувствовав неладное, выжидательно затих.

– С вами хотят поговорить. Это важно. Вы готовы?

– Всегда готов!

Встревоженный Афанасий приглушил звук телевизора.

– Как, как? Журавлев? – с грозным весельем произнес в трубке голос, знакомый всем-всем в крае и уже очень многим в стране. – Ну, молодец, Журавлев! Умыл международный олимпийский комитет! А они думали, их драконовские порядки по всему свету работать будут? Ан нет, наш русский Левша на выдумку горазд!

В трубке ружейной дробью рассыпался сухой отрывистый смех, после которого одинаково уместны были бы и монаршее одобрение, и суровый приговор.

Афоня похолодел и автоматическим движением потянул на себя плед, который поехал по дивану рывками с подскоками, потому что на нем с большим удобством расположил-

ся кот.

– Мя! – недовольно вякнул черный Пиар.

– Цыц! – сусликом свистнул Афанасий и вовсе обмер, испугавшись, что Очень Важное Лицо примет его хамскую реплику на свой счет.

Но голос в трубке вновь стал неузнаваемым и обманчиво мягким, как боксерская перчатка.

– Слышали, Афанасий Андреевич? Нам с вами нужно поговорить. Откройте дверь.

– Какую дверь?

– Ну, какую? Металлическую, с усиленным косяком и стальными упорами, на двух замках, внутренних, обыкновенных, с телескопическим глазком и, я так думаю, с запорными механизмами типа «засов» и «цепочка» с внутренней стороны, – с поразительной добросовестностью ответил на риторический вопрос сногшибательный голос в трубке.

– Все, Пиар, суши сухари, – пробормотал Афанасий и побрел на выход с вещами: в виде пледа в одной руке и телефонной трубки – в другой.

Обладателем впечатляющего голоса оказался невысокий немолодой мужчина незапоминающейся внешности, представившийся Иваном Ивановичем.

Рослый Афоня поверх его макушки стрельнул взглядом сначала вверх, а потом и вниз по лестнице. Он ожидал, что на перилах гроздьями будут висеть добры молодцы с автоматами, в оконном проеме скукожится пулеметчик, и еще

кто-нибудь, столь же хорошо вооруженный, эдакой кукушечкой высунется из люка мусоропровода. Армейское прошлое Важного Лица наложило на стиль его мирной жизни неизгладимый отпечаток танковых траков. Мало у кого из политиков была такая грозная репутация.

Однако невзрачный джентльмен высился на придверном коврике в одиночестве, как цапля посреди болота.

– Вы ко мне? – в тему квакнул Афоня.

– Здравствуйте, Афанасий Андреевич! – приятно улыбнулся Иван Иванович и тоже заквакал: – К вам, к вам, к кому же еще! Позвольте?

В отсутствие автоматчиков и пулеметчиков, по идее, можно было бы попробовать и не позволить... Но Журавлев не рискнул так поступить.

Он пропустил незваного гостя в прихожую, жестом пригласил его не останавливаться на полпути, «приземлил» в мягкое кресло и уж тут не выдержал и спросил:

– А где же Он?

Как будто действительно ждал к себе с визитом Важное Лицо.

– Он у меня тут, – ответил Иван Иванович, опуская руку в брючный карман.

Афоня поднял брови. Журавлев знал, что Он невелик ростом, но не настолько же!

– Ну, Афанасий Андреевич! – Невзрачный тип бархатисто хохотнул и разжал кулак с миниатюрным диктофоном: – Вы

же не думали, что Сам прибудет к вам лично? Вы слышали запись его голоса – фрагмент приватной встречи с представителем МОК в кулуарах хорошо известного вам сочинского клуба с названием на букву «О».

– Неужели?! Вы имеете в виду? – Афанасий порозовел от волнения и удовольствия. – О!

– Есть такая буква, – пошутил гость и свободно откинулся на спинку кресла.

Сочинский клуб на вышеупомянутую букву трудами самого Афанасия Гонсалеса Журавлева был известен очень и очень многим.

Вначале он получил печальную известность в оргкомитете предстоящих зимних Олимпийских игр, куда владельцы нового развлекательного комплекса раз за разом безрезультатно обращались с просьбами разрешить их перспективному детищу называться как-нибудь так, знаете ли... По-олимпийски!

Являясь начинающими акулами шоу-бизнеса, в некоторых вещах эти самые клубовладельцы были людьми поразительно простодушными, и тот факт, что олимпийский комитет законодательно закрепил за собою единоличное право использовать слова «олимпиада», «олимпийский», «Сочи-2014» и тому подобное в любых сочетаниях, поначалу не показался им заслуживающим внимания. Однако компромисс с названием найти не удавалось, переговоры зашли в тупик, и тогда наступил звездный час рекламного агентства

«Фигня Продакшн» и лично Афанасия Гонсалеса Журавлева.

Афоня разрулил ситуацию на раз.

Название, предложенное им, было неприличным и великолепным: ночной клуб – прости, Господи! – «Олимписьки»!

Шоу-бизнес аплодировал стоя. Оргкомитет скрежетал зубами, но был бессилён. Никакая символика игр в новом заведении не использовалась, в оформлении интерьеров присутствовали только полуобнаженные красавицы из пантеона древнегреческих богов, а географическое название «Олимп» в свое время не сумел запатентовать даже МОК.

При этом на слух неприличное название звучало безупречно респектабельно, и еще не было случая, чтобы от появления в сочинском клубе «Олимписьки» отказалась хоть одна ВИП-персона!

Афанасий представил себе Важное Лицо в разноцветных отвесах вывески, периодически пикантно разбивающейся на две части, где начало слова игриво горело голубым, а конец – розовым. Срединная буква «П» присутствовала там сразу в обоих вариантах.

– Вы Его впечатлили, – словно подслушав мысли Афони, сказал незванный гость. – Он хочет, чтобы вы работали с нами.

– Кем?! – испугался Афанасий.

Воображение живенько набросало ему собственный авто-

портрет в бронежилете.

Потом воображение секундочку повозило по изображению ластиком и скупо выдало могилку с кривым крестиком.

Журавлев нервно сглотнул.

– Ну, кем!

Иван Иванович пожал плечами и тактично отмолчался, хоть и знал несколько достаточно неприличных слов, которыми мог бы исчерпывающе определить текущее состояние жизни и творчества Афанасия Гонсалеса Журавлева.

– Неужели Он хочет, чтобы я Его рекламировал?! – Афоня все еще сомневался.

– Да, – просто ответил гость. – Сейчас я вам все объясню.

Утро нового дня великий рекламщик встретил в нервно-приподнятом настроении.

Светящееся табло на входе в офисную башню любезно проинформировало Афанасия, что он опаздывает всего на семь минут, и это был его личный рекорд скорости. Подчиненные явились вовремя и ждали шефа в его кабинете, пребывая в напряженной тишине и утопая с головами в могучих клубах сигаретного дыма.

– Афоня! Что это было?!

Оскар Пуммер первым среагировал на распахнувшуюся дверь и, не глядя на ворвавшегося в помещение шефа, со зловещим выражением лица прочитал с экрана мобильного полуночную эсэмэску:

– Общий сбор ровно в девять ноль-ноль, и вспомни все, что ты знаешь про...

– Про... про... Прошу не называть имен! – задыхаясь от бега, перебил его Афанасий. – Нас нанимают в частном порядке, официально мы работаем на господина помощника.

– Господина помощника – кого? – уточнила Даша.

– Кого, кого... Всем известного героя с фамилией, которая не произносится!

– На Бога, что ли?! – изумился обалдевший от недосыпа и внезапно распахнувшейся перспективы Викентий.

Он работал всю ночь, уснул под утро и еще не ознакомился с мобилизующей и направляющей СМС.

– Почему – на Бога? – Афоня тоже слегка обалдел.

– Потому что это у него есть имя, которое не произносят, – объяснил Викентий. – Оно так и называется: Непроизносимое Имя Господа!

– Нет!

Афанасий шепотком на ушко озвучил Викентию небожественное имя, добежал до своего места во главе стола, плюхнулся на стул и вытер вспотевший лоб платочком:

– Ф-у-у-у...

– Поосторожнее в выражениях! – сухо сказал Викентий. – «Фу» про такого господина говорить опасно для жизни!

– Вот как раз с этим все в полном порядке, – поспешил заверить его Афанасий. – Господин помощник нашего общего господина, имя которого мы, на всякий случай, лишний

раз не будем озвучивать, заверил меня, что безопасность нам гарантирована. Обеспечивать безопасность – это они очень хорошо умеют.

– А что они умеют плохо? – спросила дотошная Даша.

– То, что хорошо умеем мы!

Афанасий гордо оглядел своих бойцов.

– Навыки коррекции маникюра – не в счет! – тут же съязвил вредный Пумба.

Секретарша насупилась.

– Ребята! – проникновенно сказал Журавлев. – Не собачьтесь, пожалуйста! Нам предложили участвовать в уникальном проекте!

– Это выборы, что ли, уникальный проект? – фыркнул вредный и аполитичный Пумба. – Да плевал я на них с высокой горки!

– Ну, это как посмотреть! – возразил Афоня.

А воображение все же успело нарисовать ему лирический пейзажик: «Плевок на выборы с высокой горки».

– Собственно, к организации выборов мы прямого отношения не имеем, – сказал Афанасий и потрянул головой, чтобы выбросить из нее воображаемые урны для голосования, сгрудившиеся на цветочной полянке, как пчелиные ульи. – Наша задача – придумывать необыкновенные и удивительные проекты, мероприятия и ситуации, в которых будут проявляться лучшие качества того... чье имя мы сейчас не называем.

– А у него все качества – самые лучшие! – запальчиво сказала секретарша Эмма. – Да, я так думаю! Что это вы на меня так смотрите? Да, он мне нравится!

– Как мы смотрим? – слегка пристыженно пробормотал Журавлев.

– Вы просто не понимаете! – вскричала тем временем простодушная секретарша. – Он такой... Такой... Та-а-акой!

Она сложила наманикюренные ручки перед пышной грудью и закатила глаза к потолку.

– Какой? – ревниво спросил Пумба.

– Великий! – выдохнула Эмма.

– Да он маленький! Он коротышка, ниже Ван Дамма! Он мне по плечо!

– Наполеон тоже был маленький, но при этом Великий!

– Так то Наполеон, а это...

– А это не Наполеон! – рявкнул Афоня, конспиративно перекрывая голоса спорящих. – Ну и что? Мы открыты для сотрудничества! Мы и Наполеона готовы пиарить, и Ван Дамма, и вообще всех коротышек!

– С Незнайкой во главе, – зачем-то добавила Даша.

– Господа и дамы! – брюзгливо дергая носом, воззвал к присутствующим Викентий. – Теперь, когда вы все засветили своих тайных кумиров, не можем ли мы поговорить о деле? Скажи-ка, Афоня, а почему большая честь пиарить великого коротышку выпала именно нам?

– Потому, что мы – креативные, независимые и местные,

то есть хорошо знаем наш прекрасный южный регион со всеми его уникальными особенностями, – без запинки отбарбанил Афанасий. – К примеру, в Заполярье нашего клиента совсем другие люди пиарят. Те, которые на «ты» с белыми медведями, китами и дохлыми мамонтами, теоретически поддающимся клонированию.

– Клонированные дохлые мамонты – это круто, – сказал впечатлительный Пумба.

Неугомонное воображение Санчо нарисовало стадо лохматых зомби с хоботами.

– А мы с кем на «ты»? – спросила въедливая Даша.

Она любила конкретно поставленные задачи.

– Ну, я не знаю! – разозлился ее начальник. – Надо подумать, с кем мы на «ты»! Кто тут вообще был, есть и будет, в нашем прекрасном южном регионе? Вик, ты покопайся в истории. Даша, на тебе – флора и фауна! Эмма, ты сделаешь мониторинг сообщений о нашем клиенте в региональных СМИ. А ты, Оскар...

Санчо посмотрел на Пумбу и покачал головой:

– А ты пока свободен, – сказал он, перебив шефа.

– Почему это я свободен? – неожиданно обиделся тот. – Я, может, лучше всех сегодня подготовился! У меня, знаете, что есть? – Он вытащил из-под стола книгу в ярком переплете: – Вот!

– Вау! – искренне восхитилась Эмма.

Хотя книжка называлась вовсе не «Вау».

Книжка называлась просто и без претензий: «Супермужик».

Непосредственно под названием разместились выразительный императив: «Вали их безжалостно!» и художественное изображение человека, пиарить которого уже не было нужды, потому что его знал весь мир.

Супермужик в плаще, как у Бэтмена, стоял на покатой крыше с красивым видом на башни Кремля, но смотрел не на рубиновые звезды, а на потенциального читателя, как бы давая ему понять, что вот эту самую книжку, хоть кровь из носу, но надо купить, обязательно!

По блестящей ламинированной обложке широко расплзлись красно-черные разводы на редкость зловещего заката – не иначе «пейзаж» Судного дня. Но как-то сразу чувствовалось, что Супермужик всех, кого надо, спасет и своих в беде не бросит. В связи с чем решительно не хотелось оказаться в лагере чужих, которых, видимо, и велено было безжалостно валить. Пяткой в глаз и всеми другими способами.

Проняло даже аполитичного Викентия.

– Дай почитать! – попросил он, окончательно определившись с лагерем: в «свой», конечно же, только в «свой»!

Но воодушевленный Санчо поднял книжку, как икону:

– Видите? Вот как люди работают! Вот чего ждут и от нас с вами! Все все поняли? Берем за образец. Вперед! За дело! За Родину, за нашего собственного Супермужика!

– Наш-то пока еще не супер, – справедливости ради уточ-

нила Даша. – Наш пока просто большой Босс.

– Мегабосс! – предложил Пумба.

– А Мегабосс – это разве не круче, чем Супермужик? – спросила въедливая Даша.

– Нет, Супермужик круче, – подумав, ответил Викентий. – Супермужик – это сильная личность, а Мегабосс – пока просто сила.

Сотрудники, в меру присущего каждому таланта изображая острый приступ вдохновения, удалились.

Отнюдь не обманутый этой демонстрацией трудового энтузиазма, Афоня отшвырнул в сторону эту книжку и потянулся за другой – записной.

Ему было ясно, что гвардию бойцов рекламного фронта в связи с новыми боевыми задачами не помешает усилить и пополнить ее состав.

К сожалению, полного счастья в жизни не бывает.

Полными бывают идиоты, карманы, ведра, бедра и еще задница – не как часть тела, а как событие. А полная задница – это жизнь, чрезмерно богатая событиями.

Моя, например!

Скандал разразился на следующий день после закрытия конференции, за работу на которой я получила от начальства письменную благодарность. А вот за благородный поступок – предоставление бесплатного ночлега заплутавшему московскому журналисту – я схлопотала устный выговор в

непечатной форме.

На мое несчастье, столичный гость оказался, во-первых, супругом родной дочери генерального директора популярного телеканала, а во-вторых – полным идиотом.

Или наоборот – сначала идиотом, а потом супругом?

Так или иначе, он не сумел утаить от законной половинки свои сочинские приключения, за что по полной программе огребли все их участники: и сам гуляка, и его проштрафившаяся коллега-дуэнья, и я, несчастная.

– Я, конечно, все понимаю! – ероша редкую поросль вокруг блестящей лысины, сказал мне мой начальник. – Море, Сочи, темные ночи... Знаем, плавали! Но ты же думай, с кем связываешься! Связаться с таким мужем такой дочери такого отца – это значит послать свою карьеру прямиком к такой-то матери!

– Да ладно? – усомнилась я.

Серьезность ситуации доходила до меня как-то замедленно.

– Короче, пиши заявление, – вздохнув, велел начальник. – На твое усмотрение: либо сразу на увольнение по собственному, либо – для начала – на продолжительный отдых. У тебя за пять лет на полгода неизрасходованных отпусков накопилось.

– Как вариант, могу уйти в декретный, – сердито предложила я, шеф схватился за сердце и вновь взволнованно залопотал про таких мужей, таких детей и такую-то мать. – Да

шучу я, шучу!

И я написала заявление на отпуск.

– Сиди тихо и не высовывайся! – собственноручно отключив мне положенные отпускные, сказал начальник. – Через полгода об этой скверной истории все забудут, потому что непременно произойдет что-нибудь еще более скверное.

– Что такое оптимизм, каждый понимает по-своему, – сказала на это я и ушла в свой внезапный отпуск, как Му-Му на дно.

Это случилось в тяжелый день – понедельник.

Утро вторника я провела на диване, слушая краем уха телевизор, пораженчески бубнивший про грядущий конец света, и составляя список потенциально подходящих мне мест работы. В отредактированной версии он оказался огорчительно коротким, так как было ясно: ни одно СМИ, дорожащее добрыми отношениями с властями, не возьмет на работу такой подрывной элемент, каким только что проявила себя я. Я все-таки отправила свое блестящее резюме в ряд изданий, но на моментальный заинтересованный отклик отнюдь не рассчитывала.

Пожалуй, придется мне посидеть без работы какое-то время!

– Сдохнуть можно! – прокомментировала эту перспективу моя энергичная Тяпа.

Этим она всего лишь хотела сказать, что безделье несовместимо с моей активной натурой, но пугливая Нюня поняла

ее по-своему и тут же заговорила об угрозе голодной смерти. Я послушно вообразила себе ужасы затяжной безработицы и конец света для меня лично и с целью экономии решила заранее перейти на дешевые подножные корма.

Продолжая валяться на диване, я попеременно грызла ногти и морковку...

И тут мне позвонил сам Афанасий Журавлев!

Было время, когда его звонки вовсе не представлялись мне чем-то исключительным. Тесное общение с Афоней, который еще не стал рекламной мегазвездой, было для меня нормой жизни. Мы постоянно встречались, перезванивались, да что там – мы регулярно спали в одной постели! Потом я поняла, что Афанасий Журавлев, при всех его достоинствах, герой не моего романа, и наша связь оборвалась.

Встречались мы редко и только по делу, молчаливый уговор не ворошить прошлое соблюдали неукоснительно. У меня имелось подозрение, что Афанасий все еще склонен считать меня идеалом любимой женщины, но я ничего не предпринимала для того, чтобы окончательно развеять это заблуждение, поскольку Афоня и так уже оставил меня в покое.

И вот – пожалуйста, звоночек из прошлого!

Я насторожилась, но Афанасий вел себя похвально корректно и исключительно деловито. Он вежливо поинтересовался моими делами и, узнав, насколько они безрадостны, тут же предложил мне для разнообразия поработать немнож-

ко не с крестинами всякими, а с нормальным руководителем.

– А где он, нормальный? – грустно спросила я.

– Где, где... – неопределенно отозвался мой друг и благородно удержался от рифмы.

Затем он горделиво объяснил, что приглашает меня в свою собственную команду.

– Ха! – сказала я, выразив таким образом свое отношение к предполагаемой нормальности его руководства.

– Что – ха? – Друг и возможный работодатель слегка обиделся. – Разве мы с тобой плохо трудились вместе? Вспомни, как адски весело было делать ролик для «Пилигрима»!

– Я не забыла то адское веселье, – призналась я и потеряла веко.

После работы над рекламным роликом для турбюро «Пилигрима» у меня долго дергался глаз.

Да что глаз – я вся тогда дергалась, как припадочная!

По задумке заказчика, в рекламе надо было снять такую же дружную зоотусовку, как в знаменитом детском стихотворении: «Тра-та, та, тра-та-та, мы везем с собой кота, чижика, собаку, Петьку-забияку, обезьянку, попугая – вот компания какая!»

Поначалу клиент категорически настаивал на обязательном присутствии в кадре всех упомянутых персонажей, и это было полное тра-та-та, поскольку каждой твари полагалась роль со словами.

Разговорчивого попугая мы нашли без труда, чижики то-

же чирикал, как заведенный, но единственный в мире говорящий кот был описан лично Пушкиным А.С. и, очевидно, вдох еще во времена махрового царизма.

С большим трудом убедив в этом нашего заказчика, мы уговорили его максимально сократить монолог кота до нескольких мявов, которые впоследствии путем виртуозной переозвучки должны были превратиться в бодрое скандирование текста песенки.

Потом была фотосессия с дюжиной нервных котов и собак, после которой в студии пришлось срочно заменить ковровое покрытие.

Потом клиент в принципе одобрил на собачью роль второго плана дога-далматинца, попросив от нас лишь самую малость: изменить конфигурацию и расположение черных пятен на белой шкуре.

Новый рисунок согласовали за неделю и нанесли на шкуру пса по трафарету за полдня.

Укушенный песичкой стилист потребовал двойной оплаты.

Новое ковровое покрытие пришлось подвергнуть срочной химической чистке.

На доске для дартса в курилке впервые появилось фотографическое изображение нашего заказчика. С этого момента на подоконнике рядом с набором дротиков всегда лежала стопка его фотографий, и они расходовались быстрее, чем туалетная бумага.

Потом наш дорогой клиент выбрал действительно роскошного перса, который оказался на редкость упертой скотиной, убежденной, будто краткость – это единственно возможная сестра таланта. Или же у него было гипертрофированное чувство собственного достоинства?

Кот наотрез отказывался издавать больше трех мявов подряд, а из трех слогов у озверевшего к тому времени сценариста получалось сложить только емкий императив: «И-ди-нах!» Клиенту же хотелось чего-то другого, поскольку указанный маршрут в списке предложений турбюро не фигурировал.

– Что, вообще-то говоря, очень странно, – сказал тогда Афанасий, – это ведь такое популярное направление!

А сценарист доверительно признался, что очень хочет уволиться. Или хотя бы повеситься.

Это навело нас на мысль, оказавшуюся почти гениальной.

С петельками из рыболовной лески на нижних зубах важный перс клацал челюстями, как железнодорожный компостер!

К сожалению, выражение кошачьей морды при этом было далеко не самым добродушным. Забракованное «И-ди-нах!» подошло бы ему гораздо больше, чем согласованная с клиентом фраза о прелестях отдыха на Мальдивах.

Увы нам, заказчик это заметил – не потому, что отличался повышенной зоркостью или особой тонкостью восприятия. Просто кошачью морду пришлось снимать самым крупным

планом, иначе видны были исцарапанные руки осветителя, временно назначенного кукловодом.

Заметив это досадное несоответствие, капризный заказчик потребовал заменить и осветителя, и кота.

Мы бы предпочли заменить заказчика, но он уже успел купить себе статус священной коровы, перечислив нам пятидесятипроцентную предоплату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.